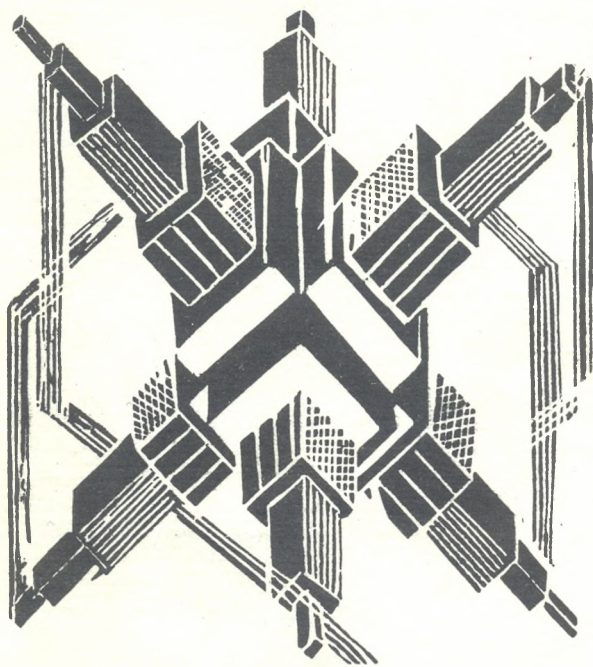

А. КРУЧЕНЫХ

ЧЕТЫРЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ РОМАНА

ИЗДАНИЕ АВТОРА
Москва 1927

А. Крученых

ЧЕТЫРЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ РОМАНА

- 1) Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица**
- 2) Случай в „номерах“**
- 3) Ревнючность**
- 4) Приложение—„Дунька-Рубиха“**

Рисунки **Марии Синяковой**

Вступительные замечания **Бориса Несмелова**

Обложка **Густава Клуциса**

(Четырехкоординатный небоскреб)

Продукция № 142

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва—1927

Главлит № 77.968.

Тираж 500 экз.

Гипография Изд-ва „Мотор“ Мосавтоклуба, Столешников пер., 8/13.

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Уголовный роман“ А. Крученых о разбойнике Ваньке-Каине представляется особо значительным явлением в творчестве этого своеобразного мастера.

Здесь налицо все прежние черты поэта, здесь яркая и определенная, такая характерная для него, установка на фонетику, на звук. Роман воет и стонет, как его озверевший в длительном одиночном заключении герой, бросающийся даже на свою освободительницу.

— Оо-у, уу-а, о-о-ы-ы, у-у-у-у... Вот основной звукоряд, мучительное нарастание глухих гласных, которое разрешается в убийство, в хряк, в гром.

Эта смертоносная фонетика уложена, как обычно, в заузные слова, в выразительнейшую **заумь**, ибо блат, воровское и разбойничье аргю, испещряющее строчки романа,—это, конечно, не фольклор, не быт, не анекдот, не бабелевщина, не купринские киевские очерки. Это—чистейшая заумь и ею остается, несмотря на прилагаемый автором словарь, из которого видно, что настоящих крученыховских заузных слов, кроме, пожалуй, двух-трех междометий, здесь нет. Именно, просмотрев словарь этих причудливо перемешанных осколков сего дняшнего блата, южно-русского и сибирского диалектов, словечек Достоевского и выражений времен Пугачева,—именно после этого, при чтении романа, легко убедиться, как безразлично смысловое значение этих заузно-незаузных слов. Внимание целиком поглощается звукообразом, таким целостным и динамичным в романе.

Однако, этот дерзко обнаженный прием заузника находится в тесной связи с тем новым и необычным для Крученых, что есть в романе. **Романе.** Оставаясь чистой и мастерской звукописью, „Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица“ есть роман в самом настоящем смысле, вещь насквозь сюжетная, больше того—фабульная. Это действительно уголовный, детективный, авантюрно-героический, чуть-чуть даже пародийный („Похождения разбойника Чуркина“) роман. Наиболее квалифицированные идиоты, может быть, даже завопят от удовольствия, если заметят, что драматизм романа оправдан не только жутким осознанным звукорядом, но и **психологически.** Это у Крученых-то! Есть чего взвать узколобым „гунявым начтюрмакам“ от поэзии!

Но это уже полное право и неотъемлемое свойство тоже критиков—сезаннадежно и неизлечимо не понимать, что лабораторные опыты как бы сенсационны они ни были, не есть самоцель, что прием создается как орудие сознательного и целемерного творчества.

А Крученых, подобно своему роману и его герою, из темных застенков, созданных литературными тюремщиками, из углов, наполненных запретительным шипом Коганов-Рогачевских, уходит в простор, в вольницу,

—на Во-о-о-лгу—

нового народного эпоса. Сейчас он готовит цикл поэм „Иоганн Протеза“, один из самых ярких литературных протестов против войны, этой фабрики механизированных обрубков человеческого мяса... И как смешны после этого шепелявые советы Крученыху:

— „А штоб вам пошмотреть на Пушкина?“

Встреча Крученыха с Пушкиным произойдет не у монумента на Страстной, а в уже близком признании массами нашего заумника—признании через головы хрипло лающих доberman-фричей.

Борис Несмелов.

Сентябрь 1925.

ПЕРЕВОД БЛАТНЫХ и МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ

Алмазник—вор-стеклорез.

Братъ на дым—обманывать.

Гардал—горчица (южно-русское).

Засыпаться—попасться.

Кат—палач (великорусское).

Ногти рвать—бежать на волю.

Лягавый—сыщик.

Марафет—кокаин.

Несгорушник—взломщик несгораемых шкафов.

Олюра } —проститутка или подруга вора (на языке сибирских ост-
Суфлера } рогов, см. „Записки из Мертвого дома“).

Стопцик—налетчик.

Сконаръ } —вор.
Урнан }

Фарт—удача.

Шнары—брюки.

Шмара—проститутка или подруга вора.

Шпана—мелкое жулье.

Штурмовать—воровать.

В первый раз „Ванька-Каин“ был напечатан в журн. „Леф“ № 2/6, 1924 г.

В настоящем издании он значительно дополнен и исправлен.

**РАЗБОЙНИК ВАНЬКА-КАИН
и СОНЬКА-МАНИКЮРЩИЦА**

(Уголовный роман)

В полночь
в черном
кружевном
шарфе

когда желанья

жгут

кожу

Пре-кра-сная Ме-р-се-дес
девушка со своим восьмым мужем
начальником Саратовской тюрьмы—
порывистее, чем авто,
тоньше, чем ось,
гиб
че
чем
луч,

спустилась
в подземелье,

где
уже десять лет
косматым комком
сидел на цепи
разбойник
Ванька Каин.
А в другом углу
— сплошная кишка—
скользкими кольцами
клубился
огро-о-мный
единорогий пифон
Угодай...

Ванька Каин
стиснув клыки
взывал

к зеленогубой змее:

— **О-о, Угодай!**

Меня мучают кислые мертвецы.

Костью скребутся,

выходят из темных углов,

виснут на стенках.

. . . белая рожа

отвисла до-полу

возле меня тикает...

Вон —

утробным сырым мешком

с потолка

надувается

кусковой ногобрюх...

Сбоку

глазом щербленим подмигивает

жирная недоглядь—

все разнесет

сквозюха.

В мозг присоскою

стальными пальцами

А-а-а! ы-ы!..—

Каин,

шею втянув,

висельной дробью

за-сы-пал:

— Сгинь! Сгинь! Сгинь!

А-а-а, опять лезут

девки загубленные

сосками,

мокрецами,

в губы

дети, купцы, старухи...

корюкие руки...

хрюки... труки-руки... —

Начтюрмак
при пороге
под нос
шпикнул брюжливо:
— Надо бы вентиляцию
проветричь.
Ишь, штенки жагадил,
по перештилю
мокричный глаж
полжет—
шрамота! шрамота!..
Штоб вам пошмотреть на Пушкина!

Каин катался:
— Давно-о, Угодай!
Десять лет,
сотни, пересотни лет,
я не слышу друзей,
зубы ямами сгрыз
бородой оплелся.

Ы-ы... за одну минуту
душу—чорту,
голову—кату!..
О-о-о, Угодай,
со-ло-ву-шко!
Откуси мне ногу
и я
убегу,
на Волгу,
на вечную волю!
Сердце нарушу!
Эй, несгорушники,
урканы, скокари,
стопщики—
Филька Зарезов,
Бурга, Склок, Скрыга,
эй, за мной,—
штурмовать мошну!

Лягавых задушим
взнуздаем суда—
там ждет меня вся шпана!—

Но Угодай шипел,
как глухонемой,
и покачиваясь в тангучем трансе
у-л-ы-б-а-л-с-я...

В телесной тьме
катилась без роликов,
но луна,
закладывая за ухо
солдатскую простыню...

(Под полом—смачный чавк
трубный вздох).
Пифон все тянулся
в юбочке колец,
как завитой
напомаженный

пес

томно помахивая
язычком...

Гунявый муж

заметил:

— Жмеем пахнет

жупел болтаеча—

вечные непорядки!

Непорядки!

Шолома не в линейку выштлана.

Шдвинута

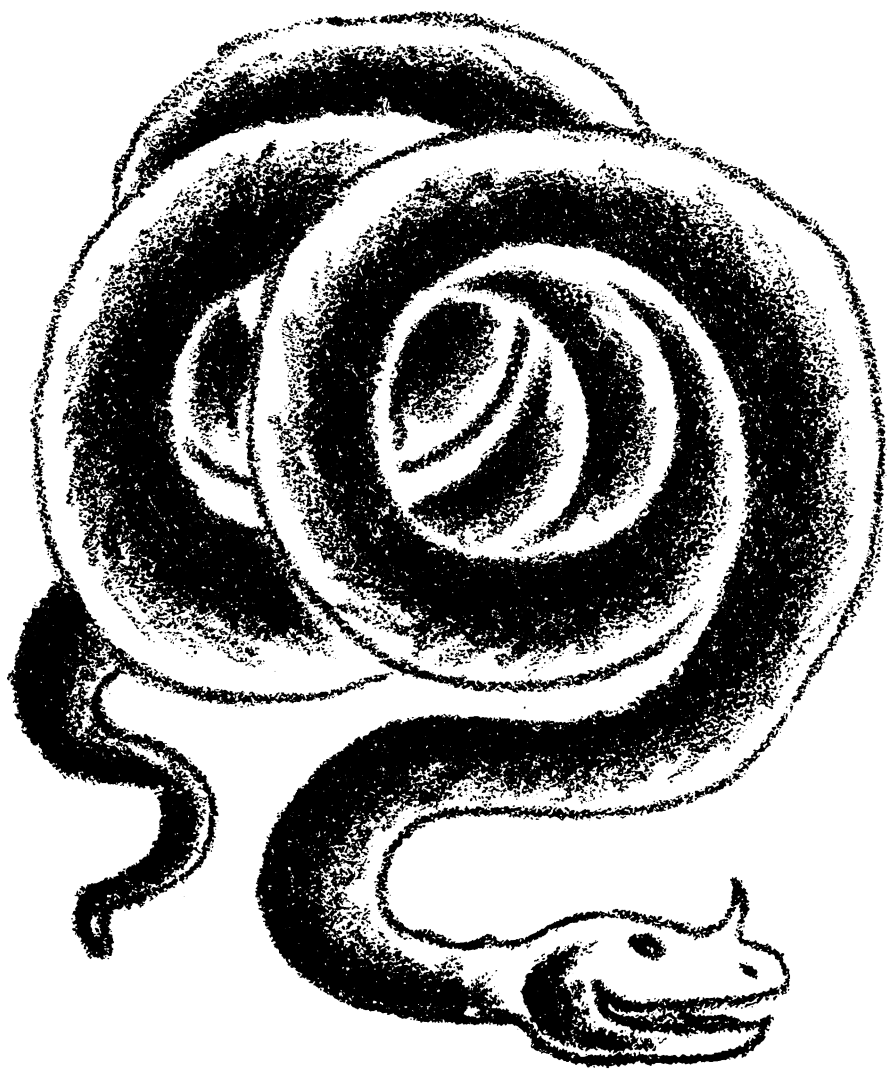
вша

земля!

Ошминог в рот лежит...

Мерша, ошадите,

не вштупите в прештупника!.. --

Мерседес
взглядом навылет
прикована
к стене...

И тени не взвидя
Каин шептал:
Угодай, пойдём...
Вон там
в оврагах
за крестами
кривулями
где камни—акулы шныряют,
собралася братва.
Шалаши
шатры
шальной гомон—
туда сбежались со всех сторон!
в красных рубахах...
ружья...
бубен...
смех...
цыганенка свист...
крики—
и я выхожу.
Зверь-удалец!
Распахнут
кафтан землянишный
шаровары шарахнулись
шелком,
углем пылают
персидские сапоги.
Дребезжа и визжа ожерельями
подолом мутоша
девки пляшут в траве,
утопчат всех святых,
подковами смелют
васильки с крапивой...

Ввалились
 дубовые
 бочки с медом
— над обручем пчелы
 г-у-д-у-у-т...—
Заносы мяса парного
Вино в бурдюках
А,
 вот славно,
 смачно,
а то мозги мои ссохлись,
хлопают...
Я буду пить.
жбанами!
Ведрами!
Тучу баранов на вертел!
— Га —
гал-гала-га!
Выжми косточек посвежее
из горла—вина!
Га! мы знаем гардал!
В темя ключом
Гал-гала-га!—
Все гогочут,
Смеются...
Гришка Склок
выбивает ведро из рук
— Ну довольно шутить
К бесу шутки!
Жбан меду!
Кто мне мешает пить?—
И шопотный
сиренный голосок:
— Это я... Мерседес...
— Бочку меду.
На Волгу!...—

Очнулся...

Тогда Мерседес
Сквозь слезы и смех,
видя потуги Каина,—
своим тончайшим маникюром
перерезала его кандалы
и приоткрыв дверь
шепнула:
— Беги!
Для тебя все готово!
Да захвати вот испанскую шаль!—
И совсем тихо:
— А еще тут прорыт
подземный ход
на сто сажений.—

...Ее муж корчился
в пасти пифона,
дрыгали зеленые шкары...
...За стеной заржал
черный конь
с боевым седлом...

Каин на дверь не взглянул,
не слышал потайных слов,
а лишь прошептал:
— Мерси вас!
Целую ручкой!—
насквозь
сверкнул стамесками глаз,
схватил освободительницу
и уволок ее
на свое старое
логово...

...Где не видел никто
его темных лохмотьев,
где он ночи на корточках
прошептывал напролет...

— Жучок,
с амурью!—
сказала Мерседес,
погрозив ключом от тюрьмы,
— ты сразу угадал
Соньку,
бриллиантовую ручку—
арап.
До зари далеко,
я тобой не игралась
целую жизнь,
туда не глазела
с той самой поры...
Расскажи, как ты засыпался,
как тебя выдала олюра
Фенька-графф?..

А я принесла марафету
и хрипатого коньяку.—

У Каина руки свело,
дико взревел:
—У-у-у.

все через вас,
шлюх!

Каждый раз—западня!

(В этот миг
под землей
кто-то трижды чихнул).

У-у, гадина, шмара!

Значит и тут
ты уже задумала
сотни ловушек!

Может змея
у тебя на службе?
Двухгрошевая, берешь на дым?

Может двери пройду,
а ты дернешь веревку,
и я—в колодезь,
рыбу ловить?
А может и сам туда
за твоими выческами полезу
и не вылезу ни-ко-гда,
а лягавые изведут всю команду!

(В этот миг
вся в земле
из дыры
Гришки Склоки
голова
в-ы-р-о-с-л-а!)

А!
Опять из углов
по твоим черным космам
студнявые мякиши лезут!
За ними монахи,
ксендзы
звенят кадиллом,
кладут во гроб!
Вон моя голова
по стружкам шатается!
Н-не хочу,
убегу,
у-у...
Сотни раз в сутки тебе снится
свобода!

А то еще соколом
на волю!
Сонька-граф,
вот я тебя ущипну
вот этой рукой,
вот этим бревном
по щекам,
по переносице,

чтоб сгнула...
у-у-у,
будь проклята,
искрошу!..—
Сонька Мерседес,
захохотав
в ловкости бритья
взмахнула граненым маникюром—
и язык хулителя
хлопнулся на пол!
Пифон засвистел:
— бис! бис!
прелестно!
дайте мне земляники!—
Сонькин муж
в животе змеи
прочавкал:
— Ага,
наш! наш!
шам попалша!
Эй, рашгони тошку-печаль,
Будешь ты помнить про крашную
шаль!—

Каин сонькину бритву
сгреб,
полоснул,
— туп
дуб—
плеча не сечет,
не режет!
Остолбенел...
Сонька—пфырк:
— Имейте в виду
— оставила ножку—
моя бритва в ходу
лишь при о-с-о-б-е-н-н-о-м взмахе—

патент!
Нужна многократная практика!
А еще удастся
фартовым алмазникам
и скрипачам!

Помню—
своего мил-друга
искрошила я в щепы,
как селедку!
Его ладанка тут
повсегда на груди
жабой жжет
чешет чесоткою!
Огнем в глазах
шарики белые
кожей гусиной...
Сто Каинов отдала бы
за один его хохоток!
Такто-с,
фактос!
Я—несчастливая суфлера!—

и подобрал ноздрю,
щелкнула
перед Ванькиным носом...

Без меры взревел озверевший Каин,
руки у Сонькина горла,
обнажились клыки...
Хруст...
Лицо ее побледнело...
Но
Из-за воротника
сам
лез
нож
остр...

А по темной трубе
 сорокоруким
 сороконогом
банда ползет,
Гришка Склок впереди—
сквозь восемь домов
из темного бору
проскребся
к Соньке-атаманше
 с приклоном.

Угодай задрожал
сизой мзгой,
об Сонькин нож
растегнул свой живот—
оттуда—
гофрюю
проглоченный муж
верхом
на кружочке кишки,
женку зовет:
— Голубка моя,—шакарей улетим!
Желеный Иудыш—подох,
 как плевательница!..—

Гришка Склок
Соньку в бок
на Ваньку глазок:
— Хватай
малохольного!—

Каин-мстец спохватился
клещами—скок,
Соньку—в землю!
сверху—колоду
насел...
Хряк!
— Гром...

Кара небесная...
Что я наделал?
Мертвяки нашептали!...

.....

Через минуту.
труп Соньки закинув за плечи,
Каин
с братвою
уже
бежа-а-л
на Во-о-олгу!..

ДЕКЛАРАЦИЯ № 6

о сегодняшних искусствах (Тезисы).

Современный художественный стиль по справедливости должен быть назван УБЛЮДОЧНЫМ.

1) ЛИТЕРАТУРА. а) Помесь Волховстроя с водосвятием, металлиста с Мережковским, завода с храмом,—Пильняк, Эренбург, Гладков, Есенин. Здесь царит путаница в идеологии и форме: социализм смешан с сексуализмом, газетный фельетон с лампадным маслом, цыганщина с обедней.

б) Помесь бальмонтизма с пролеткультом, парфюмерного дендизма с кожаной курткой.—Кириллов, Казин, Герасимов, Александровский, вся „Кузница“ и половина „Октября“ (другая половина машет руками и разевает рот по Маяковскому, но голосом пока не вышла. Чрезмерно занятые и спешащие слушатели удовлетворяются и такими: „хотя изрядно все дерут, зато во славу нам орут“).

с) Помесь Вербицкой с заумничаньем. „сизова голубочка“ с гориллой,—Сейфуллина, Вера Инбер и проч.

д) Помесь воляночной тургеневской усадьбы с дизелем, попытка подогреть вчерашнее жаркое Л. Толстого и Боборыкина в раскаленной домне, в результате,—ожоги, гарь и смрад: Вс. Иванов, Леонов, В. Федин, А. Толстой. Вообще, в длинно-зевотные повествования современная мировая напряженность не укладывается. В такт грохочущей эпохе попадают только барабан и трещотка немногих речетворцев Леф'а.

[Само повествование разоблачено обнажением приема; кроме того, Леф'ом утверждены: ораторская установка, стяжение образов (пропуск мало существенного), одновременность планов, производственная материализация слова].

2) ТЕАТР а) Помесь Островского с футуризмом—авторы и актеры завывают, пускают слезу и бьют себя в грудь, поскальзываясь на подмостках дыбом: Мейерхольд, сотни „Лесов“, „Ревизоров“ и „Севильских Цирюльников“ в „конструктивизме“ (лакомые бычки в маринаде).

б) Помесь пропыленной ливреи академизма с агит-блужой—реформированные „Аки“ и „Камерные“.

3) ЖИВОПИСЬ. Картина издохла. Путь таков: от ископаемо-спальной монументальности к злободневной улице (раз-потребление)—к плакату, вывеске, фото-монтажу. От особнячного эстетизма—к площади и к станку. Живописцы, аннулированные Леф'ом, сбегали в АХРР—помесь ушата крови с ведром ваксы, кривой фотографии с олеографией, паралича с полуакадемией. АХРР пытается „испугать“, а всем только скушно и смешно... Где-то на задворках догнивают Мирискусники и мармеладные Голубые Розы.

4) КИНО. Окончательно развратил публику Глухонемой-Кино, давший вместо ударного стиля—сломанную шею, вместо мощных жестов—рыжие пощечины.

Кино, как искусство, пока весь впереди.

Но и теперь там, где он пользуется приемами Леф'а (быстрота,

сдвиг, „наплыв“, двойная с'емка—острый монтаж), Немой бьет косноязычных Аков. Прием побеждает.

Дело искусства—изобрести и применить (установка, синтез) нужный прием, а материал всегда в изобилии дается всей окружающей жизнью.

Только прием (форма, стиль) делает лицо эпохи. (Так, прием цыганского или аковского романса любую революционную песню приспособит для отдельного кабинета, а прием Леф'а даже лабораторную работу делает революционной).

Поэтому вопрос ставится так: ИЛИ академизм. ИЛИ Леф,—и никаких УБЛЮДКОВ!...

А. КРУЧЕНЫХ.

Москва, Октябрь 1925 г.

СЛУЧАЙ В „НОМЕРАХ“.

В выпученных улицах
контрагент Тараканов
(а кругом—трк! трк!),
если ты ходишь
с набухшею пачкой
под мышкою—
берегись преставиться
на третьем ведре пива
от першистого порошечка,
как то случилось с тобою
в номерах „Медвежья бляжка“.
В бешенстве пены
избледнел,
как слизнутый ализарин
и—
еще не закрывши
жирной пельмени глаза.
в умрачившейся ночи
пристально усмотрел
старого слугу
Виссариона.
Вислоушник,
смакуя парной труп,
кривлякой набрасывается
на э-ла-сти-тель-ный
портфель.
Словно приспешный носильщик,
нутря вытряхнул
— крн! хрн! —
распихал по застежкам
растопырившегося пиджака.
впопыхах
метелкою пальцев
выбивая пыль
из засушенной лапы тигра.
И еще раз
заглянув на хозяина,
умильно возвыл.
трепеща гостиницу
рыбьим лютованием:

— Уй, помогните!
Лекаря скорей!
Рвотного молока!
Ох, я дитеныш несчастненькой,
остался без роду-племени!
Куда же я двинусь?
На кого ж ты меня спокинул?
Уй, помираем!
... Чорт знает, что!—

А в замочную завитушку
ускважился
округлившийся глаз
коридорного.
И едва раскрыл дверь
перепухший пиджак,—
как прыском топора
прорвал уши коридорный
Григорий:

— Аррр, крокодил уродивый!
Ни с места.
руки вверх!
А ты знаешь, кто был
Гришка Распутишка?
Покойничек?
Ага!
Зашился. р-р-л р-р-л!

Оперный бюст Наполеона
в плюшевом колпаке,
развернув свои зубы,
брызнул пылью:
— Излови их! —

Григорий грубил:
— А так-то ты.
волчье кобло!
Я все провидел
в завитушечку.
Пойдем дуванить.
чортова рогатка...

...И в это время
сливной парой

из синевы
до оскомины
оперного океана
вышагали
Турок с Тамарой,
неся на подносе
красной черепахой
огромный живот
с наростами полосатых брючек
чечевичкою головы,
а вокруг
золотою цепью с накладом:

— Рожденный миру
Гавиал XVII
набалдашником всех
забодай!
Гавиал! Давиал! —

И тогда
замуравленный в плесенной стенке
Потрофей Клещ
поднял на него
стамеску —
острее орлиного пальца —
зашипев:

— У—у, кдшмар!
Ищешь кончины?
Дергаешься, негрр?
Згынь! —

И все провалилось
в соседственную пивницу
„Трезвый ералаш“.
А два стырщика
подавайло
и подтирайло
Григорий—Кессарион
кубарем в кубрик
под лестницу
лязгом разгрызывать
еще тепленькие
нательные пачки

изожравшегося
контрагента...

Бюст Наполеона
тайный сейф
розового карата
пятью крапинками
орлиный нос книзу
сплюнул в простенок:
— Нуи, потомство —
кривогородное! —
И запахнулся набухшим
чехлом...

С потолка брякнулся
любопытный жук,
визгом
крысы
порскнули коридорами
под намотанной панелью,
разносчик дребежком
резал стекла:
— кекокс продаю! —

— Ну, пойдём, свинячье сусло,
Кессарион, сорви голоса! —
И оба друга,
законспирировавшись
в рыжие парики,
отправились в пивницу
заплеснуть пожар
приложить ледяшку
к височкам...
Пьяный Виссарион раскис
исклинал:

— Флоредина
Тараканова дочь
Это ж дите мое...
А я не грабил.
Все для тебя.
Жену свою,
матушку твою болезную
покойницу,
тот таракан
забодал, заусал, зажал.

Как варенье,
кровь из сердца высосал.

А как она мне жалилась:
— Висенька,
чую я,
изопьет он меня,
в душу усищами—
бу-бу-бу!

К чорту мне лимонарды.
Я не похитильщик,
я а-дам-стиль-щик!—

И мокрою ряжкой
Виссарион по столу—
плюх.
— Нуи, наклюкал
Полный огород!—
Пробуркнул Григорий.

А бедная
Флорида Тараканова,
дочь контрагента
на пятнадцатой весне
не спала
в предчувствии
фамильной горечи.
В штофном покое запустения
в полночь
пробили часы шестнадцать.
Больная пальма расцвела
восковыми колокольчиками
четвертый раз в году.
С потолка
нетопыркою
грохнулся жук.
Флой встрепенулась на
волнах
нахлобученных простынь...
Теряла руки,
нечаянно вылакеивая пыль
из засушенной лапы
головастого зимородка:

— Ах, гроза ли,
ненастье
надрывают
прозрачную грудь...
Я знаю—
завтра судьбина обманет,
и в зеркале
старческая трость
недаром в лопухах.
Пальма больная
не в радость цветет...
Юность
мне что принесет,
бессонная,
в капоре черном
зари...

И хрупкая Флой
изрыдалась
до третьей подушки...

А контрагент Тараканов
— слиплись усищи —
обмиром спит,
прослепшим глазом
держа
в кино-хрусталике
руку вислоухого
обмишулира
Виссариона...

А. Крученых.

РЕВНЮЧЕСТЬ.

(Крылышко романа).

Милый
Дориан—дрянь!
С ужимкой
и часовой цепочкой
на шарабане
брянцает
в Рязань.
Сгрязает
у зашипренной красавицы
у Акулины Яковлевны
— акулы!—
(Я ревнюю!.. ревнюю!..)

У обляриганенной красавицы,
полный соблазнов
любви на колесах
сигар
И услады-ды-ды-ды
гремят серенады-ды-ды!

Разлучница
милого к печке
прижала-ла-ла-ла...
...Я ей косыньки все
побледневшею ручкой
повыдергиваю-ю-ю-юю!...
Глав—трух...
глав—сплетня...
камнем катится слух...
Старуха подслепая,
язвуха
все перепутала
разгряза-а-а-нила...

— Му-гу-гу-у-у-у!—
к дорогому Дориану побегу.

Прискакаю —
он сидит

возле печки,
возле кдшачьего хвдста
кудри греет у огня
и ни капельки

не поедет
миленочек
в Рязань...

Грудь промерзла,
к милому люноному
доползти не смогу—
— му-гу-гу-у-у!...—
В голос горький замяучу:
— Кровь польется с моей раны
на истоптанный песок,
издивлялся черный гворон,
чуя лакомый кусок...

Ох! ох!

Сонный

машется
платок! ..

Серия репринтных изданий
А. Крученых
Четыре фонетических романа

Подписано в печать 1.10.90. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,13. Уч.-изд. л. 1,58.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 5. Заказ 2305004 Цена 3 руб.

ISBN 5-85312-068-9

НПО «Всесоюзная книжная палата»
121019, г. Москва, Кремлевская наб., 1/9

103460, г. Москва, проезд 4801
Завод Элакс. Типография

Цена 3 руб.

